

18+

Николай Игнатков

Сколько идти наугад

Книга стихотворений

Николай Игнатков
Сколько идти наугад

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Игнатков Н. В.

Сколько идти наугад / Н. В. Игнатков — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Сотой (юбилейной) книгой автор практически прощается с гражданской лирикой, где есть намеки на политику. Автор убежден, что обличать всегда проще, чем вести за собой воздушными, искрящимися стихами, направленными в будущее. Пахарь пашет, дворник метет, а тот, кто берется за перо стихотворца, должен делать свою работу так, чтобы было чисто и было что убирать с посеянного. В этой книге еще задаются острые вопросы тем о кого зависит судьба страны. В книге, в том числе исследуется чувственно предметная деятельность власти, направленная на преобразование объективной реальности. В оформлении обложки книги использованы фотографии автора.

Содержание

Сколько идти наугад	5
Горечь	6
Слова	7
Хонорик царь (басня)	8
Огонь фонарный на панель	11
Для дров спилили старый дуб	12
На заснеженный город	14
Разбитых, усталых дорог	15
Я один на один	16
Кусачками, сжимая тишину	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сколько идти наугад

Люди полотнищем мрачные,
Холодом веет добро.
Что вы особы удачные,
Вам ли одним суждено?

В воздухе грязные правила,
К ним прикоснуться нельзя.
Жизнь на колени поставила,
Кланяясь или скользя.

Воды, пролитые совестью,
Все выжигают ростки.
Выбор остался за подлостью,
Рвет тебя все на куски.

Лбы завладели трибунами,
Пеной наполнился зал.
Гнутся понятия струнами,
В лицах бушует пожар.

Смех упадет и колотится,
Страх проникает вовнутрь.
Льдом покрывается – хочется,
Жаль искушавшая грудь.

День за ажурными ставнями,
Скрыл приходящий рассвет.
Годы мелькают случайные,
Длинной полоскою лет.

Мертвые тени застывшие,
Светом стальных фонарей.
Если в проемах ожившие,
Нет на Руси звонарей?

Шорох, пугающий прочерком,
Стук переходит в набат.
Вы управляющий джойстиком,
Сколько идти наугад?

Горечь

Не собрать нам крупинки того серебра,
Что за годы мы так разбросали.
Закатилась крупинка России судьба,
Да и правду давно потеряли.

За углом прозябает пропавшая честь,
Притаилась в листве тихо совесть.
Торжествует теперь запыленная месть,
И несет повсеместную горечь.

Слова

Слова набились полный рот,
Что побойчей стучат наружу.
Собрали их как мелкий скот,
Пересидеть на время стужу.

У них ведь все как у людей,
Одни заносчиво брезгливы.
Себя загнать как лошадей...
Другие старчески сварливы.

А есть и те, кто без голов,
На крик уходят от запоя.
В скотине много и ослов,
А есть слова, что из застоя.

Хонорик царь (басня)

По берегам бегущих рек,
В лесах звенящий сухостой.
Там правит царь, короткий век,
Он царь зверей и не простой.

Из норки скрещенный с хорьком,
Хонорик быстро стал вождем.
Себя он не считал царьком,
Но жизнь бежит своим путем...

За годы долгого правленья,
Хонорик понял для себя,
В экран подать побольше рвенья,
И ясно будет для зверья.

Что царь один всегда в заботе,
Работа больше для забав.
Дворец раскинуть на болоте,
На время каменщиком став.

Подняться ястребом сквозь тучи,
Свои владенья оглядеть.
Упасть с коня и прямо с кручи,
В земную бездну улететь.

В морях пробить себе дорогу,
По дну на тройке прозвенеть.
И к Нептуну царю морскому,
Заехать в гости, и запеть...

О том, о чем сжимает душу,
Где радость вытесняет боль.
Из моря завтра сделать сушу,
И заслужить зверей любовь.

Но годы, годы пролетели,
Пора ему и на покой.
Надежды вместе с ним сгорели,
Вопрос волнует бытовой.

А кто придет ему на смену,
И весь достаток сохранит?
И трудно так найти замену,
Придумать власти бы транзит.

Опять прикинутся на время,
Смотрящим за из стороны.
Не сбросить ведь так просто бремя,
Да избежать бы как вины?

Царей потом не уважают,
Примеры все в его ногах.
Одних потом на цепь сажают,
И страх трепещется в руках.

Задумать слом земли и неба,
Леса с водой объединить.
Зверью бы дать в избытке хлеба,
И просто сытно накормить.

Печаль она, когда ночами,
Зверье голодное лежит.
И подбодрить других речами,
Чтоб знали, кто руководит.

Своих бояр зажать силками,
Воруют все, что есть украсть.
И гнать зажавшихся пинками,
И покуражились ведь всласть.

Боярин Газ – крадет трубою,
А нефтяной – чумазый весь.
Друзей бояр позвать с собою,
А их теперь не перечесть.

И струны рвут смычком играя,
И банки строят из песка.
Лисица что-то вся рябая,
Одна гремучая тоска.

Стареют главные бояре,
А в их когтях и суд, и власть.
Зверье держать в сплошном угаре,
Заслуги их лишь только часть.

Создать всегда бывает легче,
А как надолго удержать?
С годами мы не стали крепче,
Так перестали подражать.

Звериный хор в Европе слышен,
Несет волною океан.
На фоне их я мордой вышел,
И мой не меньше стал карман.

Но цепь себе я не приемлю,
Блестит моя на солнце шерсть.
И грызть до тех пор буду землю,
Пока мне смерть не скажет – есть.

Огонь фонарный на панель

Огонь фонарный на панель,
И нет тепла его, и света.
И отпечатком только тень,
И недосказанность поэта.

Для дров спилили старый дуб

Для дров спилили старый дуб,
В нем сто колец до сердцевины.
Ветвистый был, не много груб,
Но украшал пейзаж долины.

Стоял один он на краю,
Деревни не большой, не малой.
И птицы жили в нем в раю,
И в землю врос великой славой.

Солдата раненого спас,
Когда кругом бои гремели.
И самолетам был компас,
Тем, что бомбить за нас летели.

Преодолев не легкий путь,
Он путнику давал усладу.
Где мог в тени тот отдохнуть,
Вкусив, дубовую прохладу.

Взмывало вверх и воронье...
Его колючими ветвями,
Он не давал для них жилье.
Дружил с проворными ветрами.

Дождям он рад был как друзьям,
И те обильно поливали.
Девчатам статным и парням,
Что вечерами здесь гуляли.

И солнцу утреннему сам,
Склонял свои большие ветви.
И с уваженьем к небесам,
Качал продубленные плети.

И год за годом уже век,
Все пережить ему досталось.
Но как мельчает человек,
В груди дубовой все смешалось.

За что его под топоры?
Кому мешал он на отшибе?
И ветви брошены в костры,
Огонь взлетел в хмельном порыве.

Не будет больше желудей,
И снег сотрет погасший уголь.
И пожалеет дуб людей,
И им порой бывает туго.

Для дров спилили старый дуб,
В нем сто колец до сердцевины.
Ветвистый был, не много груб,
Но украшал пейзаж долины.

На заснеженный город

На заснеженный город из лиц,
Пожелтевших, затертых страниц.
Возвращается серая мгла,
Тишину она здесь берегла.

Но забыла она впопыхах,
Где носили ее на руках.
В подворотню зашла и подъезд,
Но былых не нашла там надежд.

Белым маревом треплется шаль,
Ей давно там сказали, прощай.
И в тоске проронила слезу,
Принесла она людям беду.

Вместо снега прольется дождем,
Ночь идет по дворам уже днем.
И молчат фонари вдоль дорог,
Кто бы ей разобраться помог?

Разбитых, усталых дорог

Разбитых, усталых дорог,
Размокшие серые будни.
Над крышами розовый смог,
А мысли вишневые блудни.

То цветом летят лепестков,
То ягодой сочной и спелой.
Сквозь землю проросших ростков,
И совестью плещутся смелой.

Я один на один

Я один на один,
Сам с собой говорю.
Кто я есть? Господин?
Только сам не пойму...

И господским лицом,
Кружевами внутри,
И хорошим отцом...
Только как мне найти,

То величие что,
Позволяет молчать?
Кто поможет? Никто?
Остается лишь ждать.

Кусачками, сжимая тишину

Кусачками, сжимая тишину,
До боли, чтоб совсем не прокусить.
Мы ищем у других свою вину,
И вместо них собой не можем быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.